МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР №1

по версии New York Times

САРА ДЖИО

Лунная тропа

Поразительно красивое
и волнующее произведение.

Sunday Times

Зарубежный романтический бестселлер

Сара Джио

Лунная тропа

«Эксмо»
2014

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Джио С.

Лунная тропа / С. Джио — «Эксмо», 2014 — (Зарубежный романтический бестселлер)

ISBN 978-5-04-258576-0

Джун Андерсен получает в наследство от тетушки Руби легендарный книжный магазин «Синяя птица». Вскоре она обнаруживает среди книг уникальные письма – свидетельство давней дружбы между Руби и знаменитой писательницей Маргарет Уайз Браун. Поскольку магазин на грани разорения, Джун решает спасти его с помощью находки. Она обращается за помощью к Гэвину, хозяину находящегося по соседству с «Синей птицей» ресторанчика. Кажется, вместе у них есть шанс, но у Джун немало секретов, и довериться Гэвину оказывается не так-то просто.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-258576-0

© Джио С., 2014
© Эксмо, 2014

Содержание

Авторское примечание 6
Глава 1 8
Глава 2 16
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Сара Джио
Лунная тропа

Sarah Jio
GOODNIGHT JUNE
Copyright © 2014 by Sarah Jio

© Лебедева Н., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Авторское примечание

Помните ли вы, как прочли впервые «Баю-баюшки, луна»?[1] Многие открывают для себя эту книгу еще в детстве (и таких, я полагаю, бессчетное количество, ведь с момента ее выхода в свет, в 1947 году, было распродано 14 миллионов экземпляров!). Но сама я долгое время была знакома с этой историей лишь понаслышке – до тех пор, пока не получила ее в качестве подарка на рождение ребенка. Помню, как впервые прочла ее своему старшему сыну, Карсону. Нас обоих просто очаровало это повествование – настоящая колыбельная – о маленьком крольчонке, который укладывается спать. Как приятно было читать эти строки в конце шумного дня (неудивительно, что очень скоро я выучила их наизусть). Вечер за вечером мы с радостью возвращались в «большую зеленую комнату».

В скором времени к нам с Карсоном присоединились два моих младших сына. У каждого появилась своя любимая страница, и все трое обожали искать мышку. За эти годы мы настолько свыклись с книжкой, что стали называть ее «Лунной книгой». Не будет преувеличением сказать, что история обрела столь же прочное место в нашем доме, как и в наших сердцах.

Как-то раз я написала для журнала «Пэрентин» небольшую пародию на «Луну». В то время я и подумать не могла, что на сайте журнала ее страница станет одной из самых посещаемых. Даже сейчас, спустя полвека после выхода в свет, «Баю-баюшки, луна» продолжает очаровывать новых читателей.

Если мне очень нравится книга, я стараюсь побольше узнать о ее авторе. Потому я занялась изучением жизни Маргарет Уайз Браун. Мне хотелось получше познакомиться с этой замечательной детской писательницей, которая успела написать больше сотни разных историй до своей преждевременной смерти в 1952 году, когда ей было всего сорок два!

Я прочла все доступные мне материалы и обнаружила, что у нас с Маргарет много общего. Она была такой же неуемной и целеустремленной, как и я (качества, определяющие автора плодотворного, но терзаемого все новыми и новыми идеями). Подобно мне, Маргарет была мечтательницей. Облако, очертаниями похожее на кролика, могло вдохновить ее на новую книгу, а путешествие на лодке к островку возле дома – на целую серию новых историй.

Маргарет отличала невероятная творческая энергия. Не сомневаюсь, что способность творить была в ее жизни главной движущей силой. Свои истории она черпала буквально отовсюду. Бывало и так, что утром, только-только проснувшись, она записывала идеи для новой книги, пришедшие к ней во сне.

По себе знаю, что такое свойство сознания и окрыляет, и сводит с ума (только представьте, что вы с головой ушли в новую книгу, а вам в уши что-то постоянно нашептывают герои еще не рожденных историй!). Мой друг и коллега, Кэрол Кассела, которая является по совместительству врачом-анестезиологом, в шутку называет такое состояние хроническим недугом. К счастью или нет, но в этом мы с Маргарет очень похожи.

Маргарет, совершенно беспомощная в вопросах любви, отличалась тем не менее несомненной деловой хваткой. Она твердо отстаивала как собственные интересы, так и интересы своих друзей-иллюстраторов, поскольку была не из тех, кто готов удовольствоваться чем-то второсортным.

Мне нравятся эти ее черты. При всей своей решительности и энергичности Маргарет умела быть мягкой и добросердечной. А еще – на редкость импульсивной. Говорят, как-то раз она потратила огромную сумму на цветы – сотни и сотни цветов. Просто выкупила на

[1] «Баю-баюшки, луна» – книга для детей автора Маргарет Уайз Браун. В англоязычных странах считается культовой. (*Здесь и далее примечания редактора.*)

улице Нью-Йорка целую тележку с цветами. Ими она украсила свой дом и устроила для друзей замечательную вечеринку.

Неудивительно, что Маргарет Уайз Браун оставила о себе столь яркую память. Но из-за своей преждевременной смерти многие ее секреты остались неразгаданными. Никто точно не знает, что подтолкнуло ее к написанию «Баю-баюшки, луна». Считается, что весь стишок она написала за одно-единственное утро в своем нью-йоркском доме. Я попыталась представить, что могло бы натолкнуть ее на создание этой замечательной детской книжки, и мое воображение тут же заработало на полную мощность.

Так, понемножку, начали прорисовываться герои моей будущей книги. Джун Андерсен, служащая банка из Нью-Йорка, здоровье которой заметно пошатнулось из-за напряженной работы, и ее тетушка Руби, оставившая любимой племяннице дело всей своей жизни – легендарный книжный магазин «Синяя птица». Магазин этот полон секретов, и очень скоро Джун обнаруживает старые письма – свидетельство давней и глубокой дружбы между ее тетей и Маргарет Уайз Браун. Эта дружба оказала заметное влияние на творчество знаменитой писательницы.

Но хоть я приветствовала сам факт того, что Маргарет Браун стала для меня источником вдохновения, мне хотелось, чтобы центральное место в этой книге занимала моя героиня, Джун. В конце концов, это было историей *ее* жизни. Требуется немало мужества, чтобы оставаться ранимой, смотреть в лицо совсем не безмятежному прошлому, раз за разом пытаться начать все заново – в том числе заново любить. Вот и Джун придется решать для себя все эти вопросы. И когда книжный магазин ее тетушки окажется на грани разорения, судьба его целиком и полностью окажется в руках Джун. Удастся ли ей спасти это место и его тайны? Удастся ли ей спасти саму себя?

Маргарет Уайз Браун ушла из этого мира за двадцать шесть лет до моего рождения. И хотя пути наши никогда не пересекались, я часто размышляла о том, какой могла бы быть наша встреча. Например, мы могли бы посидеть за чашечкой кофе (а может, и коктейля, что наверняка понравилось бы Маргарет) и поговорить о творчестве, о кроликах и трех маленьких мишках, удобно устроившихся на стульях. Словом, обо всем. Мы бы шутили и обменивались историями, и я непременно рассказала бы ей о том, что мой четырехлетний сын Рассел обожает ее книгу «Пёс-моряк». Мы поговорили бы о плачевной судьбе книжных магазинов из кирпича и камня в эпоху цифровых устройств и о том, как трудно привить детям любовь к чтению, когда вокруг полно видеоигр, телепередач и прочих заманчивых штучек. Я бы выразила ей свое восхищение по поводу той истории с цветами (если бы осмелилась упомянуть об этом) и поблагодарила бы за столь яркую жизнь, которая стала для меня источником вдохновения.

Да что там, одного ее присутствия было бы достаточно, чтобы привести меня в полный восторг.

С. Дж.

Глава 1

Нью-Йорк, 3 мая 2000 г.

У каждого есть свое счастливое местечко. Сцена, которая сразу же всплывает перед глазами, стоит вам зажмуриться и перенестись мысленно в ту точку земного шара, где жизнь окутывает вас теплом и уютом. Для меня это книжный магазин с его изумрудно-зелеными стенами и огромными окнами, которые служат по ночам рамкой для приветливо подмигивающих звезд. В камине еще пылают угольки, напоминающие по цвету закатное солнце, а сама я сижу перед камином, закутавшись в плед, и с увлечением читаю книгу.

– Джун?

Я быстро открываю глаза, и пронзительно-белый цвет больничных стен возвращает меня к реальности. Простыню, которой я укрываюсь, крахмалили так часто, что она стала похожа на жесткий лист бумаги, и я вздрагиваю от холода, когда медсестра сжимает мое запястье своими ледяными руками.

– Прости, что пришлось разбудить, – говорит она, закрепляя на моей руке манжет. Сейчас мне будут мерить давление.

Пока она привычными движениями сжимает грушу, я рассматриваю тату на ее руке – бабочку с фиолетово-розовыми крылышками – и мысленно возношу благодарность себе семнадцатилетней. В то время я тоже была близка к тому, чтобы наколоть на лодыжке фигурку дельфина, но в последний момент все-таки передумала.

Пальцы медсестры тянут манжет за липучку, ее лицо кажется недовольным.

– Высокое. Слишком высокое для женщины вашего возраста, – замечает она. – Наверняка доктор Кейтер захочет побеседовать с вами об этом.

При виде этого сурового лица мне хочется крикнуть: «Да я вегетарианка! Я бегаю каждое утро! Я уже два года не позволяю себе ни одного десерта!» Но тут звякает мой мобильный, и я быстро хватаю его с кровати. Сообщение от Артура, моего начальника.

«Ты где? Если не ошибаюсь, ты собиралась поработать над отчетом за второй квартал?»

Сердце у меня начинает колотиться с удвоенной силой, и я делаю пару глубоких вдохов, чтобы успокоиться. Само собой, Артур не знает, что я в больнице. Никто не должен об этом знать. Медсестра пытается что-то сказать, но я раздраженно машу рукой, а затем усаживаюсь поудобнее, чтобы написать ответ. «Отвлеклась на другой проект, – печатаю я. – Скоро буду». Другой проект – это мое паршивое физическое состояние. Досадно, когда тебя подводит собственное тело.

На стене висят часы. Время перевалило за восемь. Сюда я попала еще в полдень – с высоким давлением. Опасно высоким, так мне сказал врач. «Это что, сердечный приступ?» – поинтересовалась я. Весь последний месяц меня донимали неприятные симптомы, но сегодня, за деловым обедом – я и двенадцать мужчин в строгих костюмах, – у меня вдруг закружилась голова и затошнило. Ладони начало как-то неприятно покалывать. Разумеется, я не могла позволить, чтобы меня видели в таком состоянии, и ушла, предварительно извинившись. Сказала, что мне нужно срочно вернуться в офис. Вот только в офис я так и не заглянула. Села в такси и отправилась в больницу.

Теперь я лежу с капельницей, из которой в мою кровь медленно попадают лекарства. А ведь мне всего тридцать пять! Я нервно выискиваю взглядом свою сумку. *Нужно поскорее выбираться отсюда*.

Как раз в тот момент, когда я встаю, дверь открывается, и в палату входит пожилой человечек в белом халате.

– Куда это вы собрались, мисс Андерсен? – хмурится он.

Будь он хоть трижды доктор, мне решительно не нравится его тон.

– Мне уже гораздо лучше, – заявляю я, пытаясь самостоятельно разобраться с проводками от капельницы. – А на работе меня ждут неотложные дела.

Доктор подходит ближе и кладет на столик мою карту. Судя по всему, он вовсе не горит желанием поскорее выписать меня из больницы.

– Что для этого требуется? – спрашивает он.

Я смотрю на него в полной растерянности.

– Что вы имеете в виду?

– Что нужно для того, чтобы вы хоть немного сбавили темп?

– Замедлила темп? Я вас не понимаю.

– Я прочел записи в вашей карте, – кивает он на столик.

По просьбе принимавшего меня врача я вкратце описала свой обычный день: подъем в пять утра, в семь уже в офисе (после пробежки в шесть-семь миль), а затем работа, работа и работа… До восьми, а порой и до девяти вечера (а зачастую еще дольше).

И что с того? Я – *вице-президент* крупного банка, самый молодой вице-президент в истории банка «Чейз и Хансон», на который работают восемь тысяч служащих во всем мире. Начальство должно видеть, что я не зря занимаю свое место. К тому же я хорошо справляюсь с работой. Пожалуй, это единственное, с чем я хорошо справляюсь.

– Послушайте, доктор…

– Доктор Кейтер.

– Доктор Кейтер. – Я говорю тем доверительным тоном, который использую обычно в разговоре со строптивыми должниками. – Я ценю вашу заботу, но со мной все будет в порядке. Выпишите мне лекарства, и проблема решится сама собой.

– Не все так просто, – замечает он. – Как я понял, мисс Андерсен, у вас время от времени немеют ладони.

– Я много бегаю, а в Нью-Йорке с утра не слишком жарко.

– Не думаю, что это от холода, – качает головой доктор. – Похоже на признаки панического расстройства.

– Простите, *какого* расстройства?

– Панического, – повторяет он. – Ваш организм, судя по всему, испытывает сильнейший стресс и реагирует на него подобными отключениями.

– Не может быть. – Я решительно стягиваю ленту, которая удерживает на месте иглу. – Я знаю, вы намекаете на то, что я чокнутая, но это неправда. Может, другие в моей семейке и не в полном порядке, но обо мне такого не скажешь… Вы поможете мне снять эту штуку или мне просто выдернуть иглу?

Доктор Кейтер печально качает головой.

– Мы не можем задерживать вас тут против вашей воли, – вздыхает он. – Пообещайте хотя бы, что постараетесь притормозить. Такими темпами вы очень скоро загоните себя в могилу.

Мой телефон вновь звякает. Ну что этот доктор знает обо мне? Ровным счетом ничего.

– Все, что угодно, лишь бы поскорее выбраться отсюда, – пожимаю я плечами.

Доктор Кейтер с видимой неохотой убирает капельницу, а затем протягивает мне листок бумаги.

– Я выписал вам бета-блокаторы. Они хотя бы отчасти нейтрализуют те нервные сигналы, которые вызывают беспокойство. Принимайте эти лекарства в течение нескольких месяцев. И

я настоятельно рекомендую вам разгрузить себя. Поменьше физических упражнений, не столь интенсивные нагрузки на работе. В конце концов, возьмите отпуск.

Я с трудом сдерживаю смешок. Человеку моего положения и в голову не придет уйти в отпуск. Лиза Мелтон, наш новый вице-президент, отпросилась на неделю после свадьбы, и то начальство посмотрело на это довольно косо. Когда вы достигаете определенных вершин, от вас ждут, что вы будете жить и дышать одной только работой. Так уж оно сложилось.

– Я ценю вашу заботу, – повторяю я, хватаясь за сумочку и пальто, – но мне и правда нужно идти.

* * *

– Наконец-то, – по губам Артура скользит едва заметная усмешка. – Я уж думал, больше тебя не увижу.

Мой босс – умный и циничный тип, но я-то знаю, что под этой малоприятной оболочкой таится доброе сердце. Или какое-то подобие его. Не зря же я сказала однажды Артуру, что он – самый симпатичный сукин сын из всех, с кем мне доводилось встречаться.

– Прости, что ушла прямо во время обеда, – промямлила я. – Просто я… у меня… Словом, неважно себя почувствовала.

– Женские проблемы?

– Да нет же, – поморщилась я. – Обещаю, что впредь ничего подобного не повторится.

Взгляд Артура обретает привычную цепкость.

– А что это на тебе надето?

Только тут я понимаю, на кого стала похожа после восьми часов, проведенных на больничной койке. Встрепанные волосы. Расплывшийся макияж. Я поплотнее запахиваю пальто, под которым нет ничего, кроме больничной пижамы.

– Я приехала прямо из дома, и у меня не было времени… переодеться.

– Ладно, – пожимает плечами Артур, – пора браться за работу.

Он выкладывает на стол целую кипу папок.

– Это все неплательщики. За кого возьмемся в первую очередь?

Я беру верхнюю папку, на которой напечатано: АТЕЛЬЕ САМАНТЫ. Я уже давно перестала переживать из-за тех мелких собственников, которые не в состоянии свести концы с концами. А поначалу было безумно трудно выступать в роли карающей руки, которая способна в один миг перечеркнуть весь семейный бизнес. Никогда не забуду первого своего поручения. Я плакала, когда мне пришлось везти в Новый Орлеан бумаги, согласно которым вся собственность переходила за долги нашему банку. Речь шла о кафе, которое открылось здесь еще в начале XX века. Излюбленное местечко нью-орлеанских старожилов. Меня встретила хозяйка, пожилая уже женщина, унаследовавшая это кафе от своего отца. Когда-то, в далеком 1959-м, здесь обедал сам Джон Кеннеди. По стенам были развешаны фотографии Эллы Фицджеральд, Джуди Гарленд, Луи Армстронга – разумеется, все с автографами. Хозяйка принесла мне кофе и заварные булочки. До сих пор помню, как дрожали мои руки, когда я вручала ей конверт с этими ужасными бумагами.

Потом уже стало полегче. К каждому случаю я научилась относиться с точностью и безразличием хирурга. Раз-два, и никаких эмоций. Мой девиз: только дело, ничего личного! Мне без разницы, какой замечательный или необычный у вас бизнес и сколько семейных историй с ним связано. Факт остается фактом: если вы не в состоянии оплачивать свои счета, наш банк в мгновение ока распродаст ваше имущество. Просто, как дважды два.

Мне нравится думать, что Артур выбрал меня из всех банковских служащих, поскольку уже тогда разглядел во мне некую искорку – свойство, каким не обладал никто из моих коллег.

На самом-то деле я стала для него чем-то вроде куска пластилина. Я жила только работой, и из меня можно было лепить что угодно.

Артур помог отточить мои служебные навыки. За спиной многие называют его палачом, поскольку он способен без малейших угрызений совести закрыть неприбыльный бизнес и пустить с молотка оставшееся имущество. Эмоции клиентов для него – пустой звук. Он и меня приучил смотреть на жизнь своими глазами. Наш отдел – самый успешный во всей компании. Мы отсекаем лишнее и получаем великолепные результаты.

Разумеется, далеко не все случаи требуют личного визита. Многие клиенты сами подписывают бумаги. Многие, но не все. Кое-кто предпочитает не отвечать на наши письма и игнорировать звонки. Эти люди стараются оттянуть неизбежное. Никто не хочет оказаться в неудачниках, и мне это чисто по-человечески понятно. Но жизнь есть жизнь.

Я пролистала бумаги из верхней папки. Ателье Саманты. По документам о первом займе видно, что это моя ровесница. Родилась в 1975 году. Уже семь месяцев Саманта не платит по счетам. Другие документы удостоверяют, что эта женщина предпочитает игнорировать письма и звонки из банка.

– Придется нам нанести визит мисс Саманте. – В глазах у Артура появляется огонек. Теперь он похож на сыщика, который уже готов сцапать очередную жертву.

– Да, – вяло киваю я. У меня снова покалывают пальцы, а голова кажется тяжелой, как большая медная чаша, под весом которой напрягается все тело. Да что же со мной такое? Покалывание переходит в область головы, я как будто погружаюсь в другую реальность. Теперь моя голова напоминает воздушный шар, который парит над шеей. Надо бы обсудить с Артуром каждый из наших случаев, но я не могу. *Почему я этого не могу?* Сердце у меня начинает колотиться еще быстрее, и я невольно хватаюсь за край стула. Чувство онемения растекается по ладони, которую я уже практически не чувствую. *Опять то же самое.*

Я бросаю взгляд в сторону двери.

– Артур, – вырывается у меня, – такое чувство, что я отравилась, – для пущей убедительности я кладу руку на живот. – Ты уж меня извини.

Он пожимает плечами, а затем аккуратно складывает папки и передает их мне.

– Уже поздно, так что можем заканчивать. Почему бы тебе не посмотреть эти бумаги на выходных? Я отметил те из них, которые требуют особого подхода Джун Андерсен.

Я с трудом выдавливаю из себя улыбку.

– Конечно. Обязательно посмотрю.

* * *

К тому моменту, когда такси оказывается у моего дома, мне удается хотя бы частично восстановить контроль над телом. Онемение прошло. Осталось лишь легкое покалывание в левом мизинце. Забрав в вестибюле почту, я поднимаюсь на лифте на седьмой этаж и захожу в дверь с номером 703.

Мне вновь вспоминается тот ужасный учитель биологии, который вел у нас занятия в старших классах. Как правило, я получала хорошие оценки, но естественные науки давались мне с большим трудом. Один раз, когда я провалилась на экзамене, этот учитель подозвал меня к своему столу и заявил: «В свое время у меня училась твоя мать. Она тоже была не сильна в биологии. Тебе стоило бы заниматься с большим усердием, если, конечно, ты не желаешь пойти по ее стопам. Тебе что, хочется всю жизнь проработать за кассой в какой-нибудь продуктовой лавочке?» Я ненавидела этот его взгляд – высокомерно-снисходительный. Глаза у меня щипало от слез, но в тот момент я сдержалась и выплакалась позже. Если бы только мистер Кларк увидел меня сейчас! Мою головокружительную карьеру, мою шикарную квартиру (и плевать, что ипотеку мне теперь выплачивать до конца жизни!).

Да, у меня нет ни мужа, ни детей, ни собаки. Но много ли женщин моего возраста могут похвастаться тем, что приобрели в собственность квартиру на Манхэттене? С двумя спальнями, паркетными полами и окнами, выходящими прямо на Центральный парк.

Я бросаю пальто на мягкую скамеечку у входа – *вот вам, мистер Кларк!* – и кладу ключи на стеклянный столик у стены (на нем настоял мой дизайнер, но всякий раз, когда ключи звякают о поверхность стола, я проникаюсь к нему еще большей ненавистью). Пора разобрать почту. При виде знакомого почерка на одном из конвертов я невольно морщусь. С какой стати она снова пытается со мной связаться? Нам просто не о чем говорить. Я иду на кухню и швыряю конверт в мусорную корзину. Слишком поздно для «прости-меня-пожалуйста».

Я плюхаюсь на диван и просматриваю остальную почту. Счета, несколько журналов и открытка от Клэр, моей давней подружки из Сиэтла. С мужем Этаном и сыном Дэниелом они развлекаются в Диснейленде. «Привет из замка Золушки, – пишет Клэр. – Шлем тебе море тепла и солнечных улыбок!»

Все это, конечно, очень мило, но, если быть честной до конца, подобные сантименты для меня – все равно что нож в сердце. Я уже давно перестала ходить на свадьбы к подружкам, ограничиваясь отправкой разного рода подарков. Моя помощница заворачивает их в красивую бумагу и аккуратно перевязывает кучей ленточек. Гораздо проще поддерживать дружбу на расстоянии. Все довольны, и никто не страдает (особенно я). Единственный человек, с которым я общаюсь вне работы, – мой приятель Питер. Умный, добрый, красивый. Но даже в этих отношениях инициатива всегда принадлежит ему – я никогда не звоню первой.

Под каталогом журнала мод лежит конверт от адвокатской конторы «Шерман и Уиллс». Я не из тех, кто пренебрегает официальными бумагами, и осторожно надрываю краешек. В конверте лежит стопка бумаг, к которой крепится листок с письмом:

> Адвокатская контора «Шерман и Уиллс»
> 567 Мэдисон
> Сиэтл, ВА 98101
> Кому: Джун Андерсен
> Тема: Завещание Руби Крейн
>
> Дорогая мисс Андерсен, наверняка вы уже знаете о том, что ваша двоюродная тетя Руби Крейн покинула этот мир. Примите мои глубочайшие соболезнования в связи с этой потерей.
>
> Я замираю с письмом в руке. Руби? Покинула этот мир?
>
> Нам было поручено заниматься ее волеизъявлением, и я рад сообщить, что ваша тетя оставила вам все свое имущество, включая книжный магазин для детей «Синяя птица». В конверте вы найдете соответствующие документы. Подпишите их, пожалуйста, и верните моему помощнику Либби. Возможно, вы захотите сами приехать в Сиэтл, чтобы лично уладить все дела. Вам, должно быть, известно, что мисс Крейн долго болела перед смертью. Как бы то ни было, я не сомневаюсь, что возможность распоряжаться магазином доставит вам не меньшее удовольствие, чем вашей тете. Если вам потребуется моя помощь, обязательно обращайтесь.
>
> С уважением,
> *Джим Шерман, адвокат.*

Я кладу письмо на кофейный столик и ошеломленно качаю головой. *Руби умерла? Почему никто мне не сообщил?* Слезы наворачиваются на глаза – то ли от боли, то ли от негодования. Почему мама мне даже не позвонила? Развлекается, наверно, с новым приятелем, а до осталь-

ного ей и дела нет. И все же гнев мой направлен не столько на нее, сколько на саму себя. Я так и не написала Руби. И не заехала к ней – была по горло занята делами. А теперь уже поздно. Руби больше нет.

Я с недоумением смотрю на пачку бумаг. Мы и правда были с ней близки – особенно в пору моего детства. И все же я не понимаю, почему она выбрала своей наследницей именно меня, а не маму или Эми, мою родную сестру. *Эми.* Как она отнесется к этому решению? Даже странно, что я не могу взять трубку и позвонить ей. В детстве у нас все было общим (за исключением отцов, но с ними мы попросту не встречались). Память услужливо подсовывает мне картинку: Эми с ее белокурыми, как у мамы, локонами, с пухлыми губками, от которых сходили с ума все окрестные мальчишки, и невинными голубыми глазами. Миновало уже пять лет с того неприятного случая, но при мысли о нем мне по-прежнему больно, и я спешу переключиться. Я вспоминаю те времена, когда мы с Эми были всего лишь розовощекими малышками, гулявшими рука об руку по дорожкам парка.

В оконном стекле мелькает мое отражение, и я внимательно в него вглядываюсь. Что же со мной случилось? Любознательная девочка со светлыми косичками, ни на минуту не расстававшаяся с книжкой, превратилась в женщину, у которой, как это ни печально, нет времени ни на семью, ни на книги. Я пытаюсь вспомнить, когда мне в последний раз приходилось разговаривать с Руби, и в ушах раздается ее голос. Она сама позвонила мне в прошлом году перед Рождеством. Сказала, что хочет устроить у себя в магазине рождественский ужин, с индейкой и домашними булочками. Совсем как в старые времена. Я так и не смогла вырваться, но она все-таки позвонила мне на Рождество. Мама и Эми уже были на месте: я расслышала, как они смеются где-то на заднем фоне, и тут же напряглась. Руби это сразу почувствовала.

– С тобой все в порядке, Джун? – спросила она.

– Да, – солгала я, – все в порядке.

– Я знаю, ты очень занята у себя в Нью-Йорке, – в голосе Руби слышалось неподдельное огорчение, – но я все-таки надеялась, что ты приедешь.

– Мне очень жаль, но у нас столько дел, что я вынуждена оставаться в городе, – сказала я, окидывая взглядом свою квартиру, которую даже не позаботилась украсить. Елка для одного человека показалась мне пустой тратой денег.

– Ты собираешься когда-нибудь приехать домой, Джун? – спросила Руби. В ее голосе прозвучали старческие нотки, ломкие и хрипловатые, и это напугало меня. Старость всегда казалась мне чем-то ужасным.

– Даже не знаю, – честно ответила я, утирая непрошеную слезу. По правде говоря, я вообще не знала, вернусь ли когда-нибудь в Сиэтл. Уезжая оттуда, я понимала, что покидаю этот город навсегда. Лора Уайлдер[2] сказала однажды: «Дом – самое чудесное в мире слово». Но чем старше я становлюсь, тем яснее понимаю, что подобные сантименты не для меня.

Свое детство и юность я провела в Сиэтле. Наша маленькая семейка – мама, Эми и я – постоянно перебиралась с квартиры на квартиру. Надо отдать должное маме: она всегда без труда находила работу. Другое дело, что ей никогда не удавалось задержаться там надолго. Она торговала, работала официанткой, проверяла билеты в кинотеатре, но все это очень быстро заканчивалось. То она слишком часто сказывалась больной, то забывала про свою смену, то опаздывала, то что-нибудь еще… В конце концов она устроилась в маленький магазинчик прямо на нашей улице. Уж не знаю: то ли ей повезло с начальником, то ли она сделала выводы из собственных ошибок, но с тех пор ее больше не увольняли. В жаркие летние дни мы с Эми сидели на тротуаре напротив магазина и щелкали семечки. Мы разгрызали черные скорлупки и сплевывали шелуху в дренажную канаву у себя за спиной. С приходом покупателей автома-

[2] Лора Инглз Уайлдер (1867–1957) – американская писательница, автор серии книг для детей «Маленький домик в прериях» о жизни семьи первопроходцев времен освоения Дикого Запада.

тические двери разъезжались в стороны, обдавая нас прохладным от кондиционеров воздухом. В воздухе этом чувствовался аромат бананов и чего-то еще, не менее приятного.

Всю неделю мама усердно трудилась в магазине, а по выходным так же усердно развлекалась – с каким-нибудь очередным парнем по имени Марк, Рик или Мак. Многие из них играли на гитаре, и мама частенько отправлялась послушать их в какой-нибудь из городских баров. В такие дни мы с сестрой, стоя в дверях ванной, наблюдали за тем, как мама укладывает свои длинные волосы. Сначала она искусно подвивала их, а затем взбивала белокурые локоны и зачесывала их назад. Прическа щедро поливалась лаком для волос. Зеленые тени и розовые румяна превращали ее в настоящую красотку. Сбрызнувшись напоследок духами, она исчезала за дверью.

Сладковатый, мускусный аромат духов часами витал в воздухе после ее ухода. Этот знакомый запах утешал меня, когда на улице вовсю бушевала гроза или когда задняя дверь поскрипывала от ветра. Уже в восемь лет я знала, что мне нельзя плакать: нужно было присматривать за сестрой, которой исполнилось всего четыре.

Забравшись на стул, я извлекала из шкафа пачку спагетти и коробку с сырной пудрой. Как все это готовить, я не знала, а потому варила макароны в сырном соусе наугад. Как-то раз я нашла в холодильнике кусок старого чеддера и тоже бросила его в эту смесь. В результате получилось малоаппетитное варево, которое мы с Эми все-таки съели. Обычно я подавала наш ужин в кружках (тарелки грязной стопкой копились в раковине). Потом мы смотрели телевизор, пока Эми не начинало клонить в сон. Я помогала ей надеть пижаму, укладывала в постель и читала на ночь какую-нибудь книжку. Чего-чего, а книжек в нашем доме хватало – и все благодаря тете Руби. Если бы не она, мы бы и не узнали о тех мирах, которые чудесным образом вмещались в нашу убогую квартирку. Мы спешили за Меделайн по улицам Парижа или готовили тыквенный пирог с Лорой из «Маленького домика в большом лесу». И каждый вечер я читала Эми ее любимую книжку: «Баю-баюшки, луна».

У меня она тоже была любимой. Мне нравилась детская комната с зелеными стенами и полосатыми занавесками, нравилось ощущение любви и тепла. Пожилая женщина (мать? бабушка? или тетя вроде нашей тетушки Руби?) преданно сидит у постели ребенка. Она не бросает его одного, как делает наша мама. Она просто сидит и вяжет, тихонько покачиваясь в кресле. А в комнате становится все темнее, и вот уже звезды осторожно заглядывают в окно. Сказка, да и только!

Руби ужасно не нравилось, как мама нас воспитывает. Долгие годы она даже не догадывалась, как мы живем на самом деле, поскольку мама многое от нее утаивала. Она бездумно разбазаривала те деньги, которые получала от Руби на нашу одежду и школьные принадлежности (Руби, хоть и небогатая, по нынешним стандартам, всегда отличалась большой щедростью). Одно время она тратила их на выпивку и блузки всех мыслимых и немыслимых цветов. Как-то вечером, появившись на пороге нашего дома, Руби застала привычную для нас картину: мама спала в полном отрубе у себя в спальне, а мы с Эми смотрели телевизор. Руби со слезами на глазах взяла Эми на руки и сжала мою ладошку. «Идемте, девочки, – сказала она. – Больше вы так жить не будете, обещаю вам».

В тот вечер она приготовила нам горячую ванну в своей маленькой квартирке над книжным магазином. Мама, трезвая и присмиревшая, появилась лишь через два дня. Женщины спустились вниз, и объяснение, судя по всему, получилось очень горячим. С тех пор жизнь в нашем доме немного изменилась. Мама стала уделять нам больше внимания, а один раз даже сводила нас в зоопарк. Еще мы начали проводить больше времени с Руби в ее магазине. Мы оставались у нее на выходные и спали в ее квартирке пару дней в неделю. Это было замечательное помещение с кирпичными стенами и высокими потолками. Руби, по ее словам, терпеть не могла замкнутых пространств, поэтому свою собственную кровать она поставила в жилой части квартиры, а для нас с Эми устроила маленькую спальню. Мне там очень нравилось. У

каждой из нас была своя кровать с чистым бельем и теплым одеялом. Меньше всего мне хотелось возвращаться домой: я жалела, что мы не можем навсегда остаться у Руби.

Она часами читала нам книжки и кормила разными вкусностями. Когда я думаю о «Синей птице», в моей душе поднимается странное волнение. Для середины сороковых Руби была своего рода первопроходцем: это ей принадлежит честь открытия первого на весь район детского магазина. Он появился на проспекте Саннисайд, в паре кварталов от Зеленого озера, и уже очень скоро стал городской достопримечательностью.

Я встаю и быстро направляюсь в спальню. Рука сама тянется к дверце шкафа. Здесь, в самом дальнем углу, притаилась коробка, в которой хранятся мои детские сокровища: дневник, который я вела в возрасте от десяти до двенадцати; высохший букетик, подаренный мне Джеком Хэдли на выпускном балу; моя книга малыша, в которой мама удосужилась заполнить лишь пару страниц, и пачка детских книжек от тетушки Руби. В восемнадцать, уезжая из Сиэтла в колледж на Восточном побережье, я прихватила с собой один-единственный чемоданчик. Мне ужасно хотелось забрать свои книжки, все до единой, но мама ничуть не жаждала платить за пересылку – даже такую крохотную сумму. Ну а у меня тогда и вовсе не было денег. Вот и пришлось мне ограничиться лишь самыми любимыми. И первой из них стала «Баю-баюшки, луна».

Я осторожно вытаскиваю ее из коробки. Это полноценная книга в твердом переплете, ничуть не похожая на те маленькие книжонки в бумажных обложках, которые продают сейчас в магазинах. Я пролистываю страницы, и сердце у меня сжимается при мысли о том, как крохотные пальчики Эми тыкали в мышонка, прячущегося на каждой страничке. Искать его там было для нас нескончаемой забавой.

Я сажусь на пол и прислоняюсь спиной к высокой кровати. Скоро полнолуние, и луна за окном затмевает своим блеском даже огни города. Я не думаю о работе, которую мне предстоит сделать, и о папках, небрежно выложенных на обеденный стол. Я думаю о Руби, о Сиэтле и той жизни, которая осталась в далеком прошлом.

Я думаю о книжном магазине.

Глава 2

– Ты *куда* улетаешь? – слышу я в трубке недоверчивый голос Артура. Прошел всего день, а я уже сижу в такси, которое отвезет меня в аэропорт Нью-Йорка. Мой путь лежит в штат Вашингтон.

– В Сиэтл, – нервно повторяю я. – По семейным обстоятельствам. *Неотложным* обстоятельствам.

– Вот оно что! Значит, по семейным обстоятельствам. И что, кто-нибудь умер? В противном случае…

– Да, умер, – отвечаю я.

– Ясно.

– Послушай, – поспешно добавляю я, чувствуя, как мое сердце колотится все быстрее и быстрее. Я судорожно роюсь в сумке и достаю пузырек с таблетками, купленными буквально накануне. Я вытряхиваю оттуда синенькую пилюлю и запиваю ее одним глотком, благо бутылка с водой у меня в руке. – Я постараюсь не задерживаться, обещаю. Максимум неделя. Просто мне нужно уладить кое-что прямо на месте.

Такси уверенно лавирует в плотном потоке машин. Со всех сторон раздаются гудки. Небоскребы сияют неоновыми огнями. В Сиэтле мне будет недоставать напористой энергии Нью-Йорка. Другой вопрос: не вытягивает ли он при этом мою?

– Папки я оставила у Дженис, – добавляю я.

– Понятно, – отвечает Артур. Думаю, он удивлен не меньше моего, ведь за те одиннадцать лет, что я проработала в банке, я ни разу не позволяла себе ничего подобного.

– Я обязательно позвоню, – заверяю я, но Артур слишком ошеломлен, и я кладу трубку, так и не дождавшись ответа.

* * *

Легкий толчок возвещает о том, что мы благополучно приземлились в аэропорту Сиэтла. Я смотрю в окно на город, который покинула много лет назад. Солнце висит над самым горизонтом, озаряя серые дождевые облака. Что и говорить, знакомая картина.

Мой сосед, мужчина лет сорока, вздыхает с нескрываемым облегчением:

– Как хорошо вернуться домой!

– Да, – несколько неуверенно киваю я. На самом деле все шесть часов, проведенные в самолете, я только и размышляла над тем, правильно ли поступила. С одной стороны, в моих ушах звучал голос Артура, который откровенно намекнул на то, что я теряю завоеванные позиции. С другой – мне вспоминались слова доктора, который настоятельно рекомендовал мне «сбросить темп» и «взять отпуск». Но главной все же оставалась мысль о Руби.

Я машинально кладу руку на грудь, пытаясь унять бешеное сердцебиение.

– Тоже живете в Сиэтле? – Голос соседа вытягивает меня из внутреннего диалога.

– Нет, – качаю я головой. – Жила когда-то. Давным-давно.

Он кивает и вытаскивает из-под сиденья свою сумку.

– Лучший город на земле. – Он с наслаждением расправляет плечи. – Чувствуете?

– Что именно? – в замешательстве переспрашиваю я.

– Здесь нет такого прессинга, который чувствуется в других городах, – поясняет он. – Только в Сиэтле можно ощутить настоящий покой.

Я вежливо киваю и напрочь забываю о его словах до тех пор, пока такси не высаживает меня перед книжным магазином. Вдохнув поглубже, я вдруг ощущаю тот самый покой, о кото-

ром толковал мне незнакомец в самолете. А может, это наконец-то подействовала таблетка от давления.

Магазин, на мой взгляд, мало изменился – разве что слегка постарел (как и я сама). На кирпичном фасаде облупилась штукатурка, а белые ставни явно нуждаются в покраске. Над дверью, впрочем, по-прежнему гордо красуется вывеска:

СИНЯЯ ПТИЦА
МАГАЗИН ДЛЯ ДЕТЕЙ
ОСНОВАН В 1946

Я вытаскиваю из сумки конверт, в котором лежит ключ. Адвокат не поленился передать его мне. Когда мы беседовали по телефону, он рассказал, что Руби долго болела перед смертью. Магазин не работал около полугода, а то и больше.

– Руби уже не справлялась с делами, – пояснил он. – Но она старалась держаться до самого конца.

При мысли об этом у меня что-то сжалось в груди. Пальцы рук снова закололо иголочками.

– Мисс Андерсен, – донесся до меня голос адвоката, – с вами все в порядке?

– Да. – Я принялась судорожно рыться в сумочке в поисках очередной таблетки от давления.

И вот теперь я вставляю ключ в медный замок и толкаю дверь, которая поскрипывает и позвякивает под моим напором. Мне тут же вспоминаются колокольчики, которые тетушка Руби привязывала к дверной ручке, и на лице у меня появляется улыбка. «Рождественские колокольчики» – так она их называла. Руби всегда умела превратить обыденное в волшебное. Продолжая улыбаться, я закрываю за собой дверь и прохожу в старый магазин.

Мои каблучки постукивают по деревянному полу, а комната вдруг теряет ясность очертаний. Все дело, должно быть, в слезах, которые так некстати подступили к глазам. Вот стол тетушки Руби, заваленный папками и бумагами. Здесь же, в опасной близости от телефона, высится стопка книг. Руби решительно отказывалась менять этот старый черный аппарат на более современный. Рядом со столом расположился кукольный дом в викторианском стиле. Наклонившись, я поднимаю крохотный диванчик, который случайно вывалился на пол. Мы с сестрой часами играли с ним в детстве, представляя тот волшебный мир, в котором у нас были собственные спаленки и много красивой одежды. Но главное, что у нас была мама, которая никогда не бросала своих детей – то есть нас с Эми. Я смахиваю с крыши домика слой пыли и расставляю мебель в библиотеке по собственному усмотрению: диванчик справа, а столик слева. Так остается достаточно места для рождественской елки. Руби всегда украшала ее перчинками, которые собственноручно красила в красный цвет.

Я провожу ладонью по изумрудно-зеленой стене магазина. «Оттенок сосновой хвои» – так называла это Руби. Краска кое-где облупилась, но со стороны этого незаметно, потому что по стенам развешаны фотографии и картины в рамках. Корова, прыгающая через луну, висит бок о бок с черно-белым снимком Роальда Даля[3], который подписал его для тети: «Маленьким посетителям этого магазина: никогда не переставайте мечтать».

Я решительно раздергиваю старые шторы в желто-зеленую полоску. Когда-то они выглядели на редкость роскошно, но со временем превратились в простые занавески, выцветшие от солнца и потрепанные по краям. Как-то раз тетушка Руби показала мне фотографию циркового шатра в оранжево-белую полоску. Он-то и натолкнул ее на мысль сшить такие шторы. Я щел-

[3] Роальд Даль (1916–1990) – английский писатель норвежского происхождения, автор романов, сказок и новелл, поэт и сценарист. Его рассказы знамениты своими неожиданными концовками, а детские книги – отсутствием сентиментальности и часто – черным юмором. Обладатель многочисленных наград и премий по литературе.

каю выключателем, и хрустальная люстра над головой силится разогнать вечерний мрак. Там явно не хватает лампочки (может, даже не одной). Надо будет поскорее вкрутить туда новые.

По черной лестнице я поднимаюсь в квартирку Руби, которая находится прямо над магазином. Благодаря голым кирпичным стенам и высоким потолкам это маленькое помещение выглядит как-то просторно и благородно. И хотя я знаю, что прошло уже несколько месяцев со смерти Руби, жилье не кажется опустевшим. Такое чувство, что она только-только позавтракала и пошла прогуляться у Зеленого озера. Тостер по-прежнему включен в розетку, на плите стоит чайник, а из крана тихонько капает вода.

Сквозь открытую дверь я разглядываю комнату, в которой когда-то ночевали мы с Эми. У стены, как и прежде, стоят две кровати. Фарфоровая лампа несет стражу на столике красного дерева. Я осторожно пробираюсь к постели Руби, прокладывая путь между грудой коробок и стопками книг, которые высятся тут чуть ли не в мой рост. Кровать аккуратно застелена бархатным покрывалом малинового цвета. На покрывале ни единой складочки, будто хозяйка квартиры поджидала гостей. Моя рука скользит по мягкой ткани, порядком вытертой по самому центру: Руби частенько устраивалась прямо на постели с книжкой в руках. Она делала это едва ли не каждый вечер после пяти, когда закрывала свой магазин. Так она коротала время до ужина, за который садилась только в восемь.

Я смотрю на хорошо знакомую мне диванную подушку, и глаза у меня наполняются слезами. Когда мне было десять, я вышила на ней розу и подарила Руби на день рождения. И все эти годы она бережно хранила ее. Каждый день, просыпаясь и ложась спать, она первым делом смотрела на эту подушку. Интересно, вспоминала она при этом обо мне? Ну а сама я, так уж получилось, покинула Руби, как и все свое прошлое, когда уехала из Сиэтла. Сердце у меня сжимается от боли, и я не в силах больше сдерживать эмоции. «Ох, Руби», – всхлипываю я. Мой взгляд падает на ночной столик, на котором расположились шкатулка из красного дерева, наша с Эми фотография и овальный медальон на золотой цепочке. Руби все время носила его на шее. Мы с Эми частенько допытывались, что она прячет внутри, но Руби лишь загадочно улыбалась и повторяла: «Вот повзрослеете…» Но нам так и не довелось узнать, что же за тайны хранил этот медальон.

Я беру цепочку и застегиваю ее у себя на шее. Нет-нет, я не стану открывать медальон – я этого не заслужила. Я просто буду носить его, чтобы он все время напоминал мне о Руби. Сохраню его содержимое втайне от всех – и от себя в том числе.

Как и Руби, я прячу медальон под свитер и только тут замечаю конверт, лежащий на столике рядом со шкатулкой. «Для Джун», – написано на нем рукою Руби. Я опускаюсь на постель и открываю конверт.

> Милая Джун,
>
> если ты читаешь эти строки, значит, меня уже нет в живых. Я чувствую, что конец недалек, а потому постаралась подготовить это место для тебя. Меня отправляют в дом престарелых. Меня – в дом престарелых! Можешь себе такое представить?
>
> Я так и слышу при этом ее шутливый тон. На глаза вновь наворачиваются слезы.
>
> Но откладывать больше нельзя, так мне сказали. Я привела в порядок кухню, а постель застелила чистым бельем. Прости, что пол в ужасном состоянии. Просто в эти дни мне трудно расставаться с прошлым, и я стараюсь сохранить все, как было раньше. Я буду только рада, если ты захочешь остановиться здесь. Чувствуй себя как дома. Да это и есть твой дом, Джун.

Этот магазин с самого начала предназначался тебе. Видишь ли, детка, у нас с тобой много общего во взглядах на жизнь и на жизненные ценности. Я знала это уже тогда, когда ты была совсем крошкой. Твоя сестра могла часами забавляться с куклами, ты же сидела у окна с книжкой в руках, с головой погрузившись в эту волшебную реальность. Ты так же сильно любила книги, как и я. Надеюсь, ты и по сей день не утратила тягу к литературе и предвкушение все новых и новых открытий.

Что и говорить, я сильно расстроилась, когда ты уехала из Сиэтла. Но я понимала, что это необходимо: тебе нужно было расправить крылья и взлететь. И это тебе удалось. Жаль только, что ты не заглядывала время от времени домой, ведь я так сильно по тебе скучала.

Не сомневаюсь, что ты будешь любить наш магазин и заботиться о нем так же, как это делала я. Правда, перед тобой будет стоять нелегкая задача. Дети уже не читают книги запоем, как это было раньше. Боюсь признаться, но мне кажется, что любовь к книге умирает. Детская литература находится сегодня в критическом состоянии. Даже самые преданные мои читатели не способны устоять перед соблазном такой вещи, как Интернет. Два года назад ко мне частенько заглядывали мальчик Стюарт и его мать Джинни. Когда я начинала читать вслух, он слушал меня как завороженный. Было видно, что воображение открывает перед ним иную реальность. Но потом он стал приходить все реже и реже. А прошлым летом, когда мать снова привела мальчика в магазин, я сразу заметила, что искорка в его глазах угасла. Все, что его интересует в эти дни, пожаловалась мне Джинни, – это фильмы и видеоигры. Неудивительно, что книги уже не затрагивают его воображения, как это было раньше.

Я сделала все что могла. Все, на что была способна. И теперь я оставляю магазин в твоих руках. Что за детство без сказок и историй? И как смогут дети полюбить сказки без книжных магазинов? Компьютер тут не помощник.

Я знаю, будет непросто удержать «Синюю птицу» на плаву. Но я верю в тебя, Джун. Если кто и сможет спасти магазин, то только ты.

Я оставляю тебе этот замечательный магазинчик со всеми его секретами. А их тут, поверь, не так уж мало.

Как сказала однажды Беатрис Поттер[4]: «Истинное блаженство состоит в том, чтобы сохранить детскую непосредственность, дополнив ее знанием и здравым смыслом».

Именно это ты и найдешь здесь, мое дорогое дитя.

[4] Беатрис Поттер (*Элен Беатрикс Поттер*, 1866–1943) – английская детская писательница и художник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.